

Литературная газета. - 1998. - 8 июля.
Изабелла РОССЕЛЛИНИ: - с. 12

“Что такое стиль? Отказ от стандарта”

волили заглянуть в комнаты. Да какое там заглянуть, казалось, вас так вовлекают во все происходящее, что вы проливаете слезы и кровь вместе с персонажами”.

Будучи женщиной благоразумной, мама подождала, когда выйдет следующий фильм моего отца – “Пайза”. Он тоже произвел на нее сильнейшее впечатление, и тогда она решила написать отцу и спросить, нельзя ли ей работать вместе с ним.

После этого они не только проработали вместе над пятью фильмами, но и полюбили друг друга и произвели на свет троих детей (в том числе и меня). Тут поднялся один из самых шумных скандалов века, наложивший отпечаток на всю жизнь моих родителей. Когда их, пусть и неофициально, отлучили от Голливуда, они решили остаться в Европе, где я и выросла.

Впервые я приехала в Голливуд, когда мне было уже двадцать пять лет. “Твой отец брал деньги за билеты, чтобы показывать мне то, что я могу видеть на улице бесплатно”, – сказал мне портье отеля. Он еще не простил отца за то, что тот “похитил” – так он и сказал – из Голливуда мою мать. Эти слова помогли мне понять, что именно раздражает людей в фильмах отца.

Картины моего отца настолько реалистичны, что люди нередко воспринимают их как документальные. Даже продюсеры фильма “Рим – открытый город” думали так же и отказались его оплатить. “В контракте говорится, что ты снимешь художественный фильм. Так или нет? Почему же ты не снял его?” Счета, накопившиеся за время работы над картиной, повисли на отце, которому на протяжении не одного года пришлось погашать долги. Да разве только это? Когда мы были детьми, у нас периодически в уплату долгов описывали мебель. Нам оставляли кровати (правда, только матрасы – даже спинки

ввозили). Я этому не придавала большого значения и, лишь став взрослой, поняла, что подобные вещи в глазах окружающих – “беда”. Я всегда думала, что это легкоразрешимые проблемы, а я люблю, когда проблемы разрешаются легко. Мы покупали мебель на “блошином рынке” (это и до сих пор один из моих любимых видов “шопинга”), зная, что скоро у нас опишут и ее. Сейчас, вспоминая об этом, я отдаю себе отчет, что конфискацию мебели мне бы пораньше следовало рассматривать как несчастье. Я видела на глазах матери слезы, когда у нее отняли ведьмин колпак, который был у нее на голове в фильме Виктора Флеминга “Жанна д’Арк”, в сцене, когда ее волокут сквозь орущую толпу на костер. Мама сделала из него абажур, превратив его таким образом в предмет обстановки, каковой и подлежал описи.

Как бы там ни было, а фильмы отца произвели в кинематографе революцию...

Папа не выносил критиков и киноведов. Ненавидел пустословие, всякую болтовню, разглагольствования и дискуссии о стиле. Его приводили в негодование рассуждения о его новом стиле, который окрестили “неореализмом”. Он осуждал распространенную тенденцию придавать больше значения форме, нежели содержанию. “Я никогда не решаю заранее, как буду снимать фильм. Прежде всего решаю, что хочу сказать, а потом уже смотрю, как это сказать. Стиль фильма определяют содержание и количество денег, которые дает мне продюсер, а не наоборот”, – говорит он...

Так я и была воспитана – в духе презрения к термину “стиль” – и потому не решалась стать фотомodelью до двадцати восьми лет, то есть до поры, когда фотомodelи обычно “уходят на пенсию”. Я считала, что мода и косметика имеют отношению исключительно к стилю и совершенно бессодержательны. Здесь была какая-то притягательная тайна, и постепенно я пришла к выводу, противоположному выводам папы. Оказывается, стиль – это нечто приятное.

Папа обожал науку. Ему хотелось снять фильмы о биологии, химии, физике – не документальные, а самые настоящие... “Кинематограф – лучший инструмент информации. Благодаря кино можно одолеть невежество, – говорил он, и лицо его светилось энтузиазмом. – Технические открытия нашего века не менее важны, чем открытие огня в доисторические времена. Многие считают, что человек движим двумя импульсами – страхом и желанием, а я добавил бы – и жадной познания. Вот мое определение человека: прямоходящее существо, стремящееся подняться на цыпочки, чтобы заглянуть подальше и расширить свой горизонт”.

Перевела с итальянского
Энга ДВИН

Книга Изабеллы Росселлини – известной фотомodelи и киноактрисы “Кое-что о себе” вышла в конце прошлого года в итальянском издательстве “Мондадори”. Изабелла Росселлини рассказывает в ней о своих творческих проблемах, делится с нами собственными представлениями о стиле, моде, форме и содержании художественного произведения, перемежая свой рассказ острыми наблюдениями над окружающей действительностью и воспоминаниями о родителях – прославленной киноактрисе Ингрид Бергман и великом кинорежиссере Роберто Росселлини. Ему, “отцу итальянского неореализма”, и посвящены фрагменты этой книги, которые мы предлагаем сегодня вниманию читателей.

МОЕГО папу называют отцом неореализма. Мне же кажется, что его фильмы были кинопараллелью фотографических работ основателей фотоагентства “Магнум”. Когда мама впервые увидела фильм моего отца (меня тогда еще на свете не было, так что это, возможно, лишь мое предположение), ей показалась, что перед ней снимки Робера Капа – только ожившие, в движении. В общем, ей довелось участвовать в чем-то таком, к чему она испытывала глубокое уважение и что очень отличалось от голливудских фильмов. Мамина биография, написанная ею совместно с Аленом Берджессом, начинается так: “Когда они вышли из зала на свежий воздух бульвара Съенега (Голливуд), она отрезанным взглядом смотрела на светящиеся рекламы и фары пронесших мимо автомобилей и, взяв Петтера под руку, потянула его к афише: “Петтер, я хочу знать имя этого режиссера. Такой фильм мог сделать только необыкновенный человек!”

Я спросила маму, почему она начала свою книгу именно так. Она ответила: “Фильм “Рим – открытый город” и все дальнейшее было самым важным событием в моей жизни”. О фильме она писала: “Реализм и простота картины потрясли меня. Никто там не был похож на актера, никто не говорил, как актер, было много темных мест и тени, не все даже удавалось разглядеть – совсем как в жизни, и даже не весь диалог ты мог услышать. Впечатление было такое, будто стены домов убрали и поз-

